

Гость 4-й страницы

В ПОИСКАХ СВОЕГО ГЕРОЯ

Сегодняшний гость 4-й страницы Владлен Егорович Бирюков — один из самых популярных и любимых актеров театра «Красный факел» и кино. Его работа в многосерийном телефильме «Вечный зов» — роль чекиста Алейникова удостоена высокой правительственной награды — Государственной премии СССР. Недавно В. Е. Бирюкову присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

— Владлен Егорович, сейчас в драматургии, а следовательно, в театре и кино очень остра проблема положительного героя. Судя же по вашему репертуару, такого не скажешь. Чем вы это объясните и что такое положительный герой в вашем понимании?

— Положительный герой — понятие сложное. Проблема, как правило, шире определенний, которыми мы пользуемся. Бывает так: человек прекрасный, в школе был отличником, план перевыполняет, семьянин... А случится что — он в кустах. А другой особенно не выделялся, а в критический момент проявил героизм.

Положительный герой до конца проявляется в экстремальных ситуациях. Мы со спектаклем «Правда памяти» были в Магнитогорске, беседовали с рабочими одной бригады. Там до этого авария была. Они говорят: «Вот что надо на сцене ставить: как четверо суток лился чугун, а мы его спасали». Ну, во-первых, на сцене этого не покажешь, это можно увидеть только в цехе. Но важно другое: что их заставило четверо суток не отходить от домны! Один говорит: «Вы знаете, мне обидно стало. Я делал, делал, и что же, все — в песок?». Ему обидно стало за дело рук своих. А кому-то не стало. Потому что не вся бригада там была. Кто-то четверо суток отдыхал. А до этого случая они же все одинаковыми казались, хорошая бригада...

Но это не значит, что все должны обречь себя на какие-то чрезвычайные обстоятельства, их не запланируешь. Не важно, совершил ты подвиг или не пришлось, не важно, как ты его совершил. Важно, что движет человеком, воспитана ли в нем готовность к подвигу. Эта тема есть, пожалуй, во всех моих работах, в основном, правда, в кино, но и в театре тоже. Таким мы делали моего Тихонова в фильмах «Приказ: огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу». Ничего внешне героического. Он и не военный какой-то в традиционном представлении, хотя и майор. В нем есть мягкость, интеллигентность, доброта. Но ведь батальон, воспитанный им, какое дело сделал! И почти весь погиб!

Нормальный, живой человек, со своими недостатками, но честный, отстаивающий свою гражданскую позицию и в большом и в малом, — вот таких героев нам сценаристы и драматурги предлагают мало.

Меня всегда удивляет, когда говорят: давайте поставим спектакль про то-то и то-то и чтобы герой был положительный. Ставим. А зрителя нет. А когда люди не ходят в театр, это значит, что мы перестали понимать друг друга. Они ждут от нас живых, волнующих проблем, а у нас по сцене ходит бледная схема, но вполне положительная. И глаголет всем известные истины. Это — псевдовоспитание. Когда меня начинают чрезмерно чему-то учить, я, естественно, сопротивляюсь. Рецензенты хороши в медицине. Я хочу сам, своей головой, додумывать, размышлять... А репертуар мой складывается, как вы сказали, удачно, потому что я имею право выбора.

— Отказываетесь от слабой драматургии?

— Не только. Не секрет, что у нас еще много фильмов средних, достаточно и просто плохих. В основе их, как правило, слабые сценарии. Сейчас модно стало писать на какие-то темы. «А не хотите ли вы сняться в сибирском фильме?». Присылают сценарий. Я отсылаю его обратно со своими замечаниями. Мне говорят: «Да вы в этом ничего не понимаете!». Тогда я вынужден спро-

сить: «Простите, а где вы живете?» — «Мы? В Ленинграде». Вот так. Сибиря он не видел, но нос держит по ветру: тема модная. Представьте себе, какая будет творческая атмосфера на съемочной площадке. (Какой будет фильм, я не говорю. Не от меня зависит: принять этот сценарий или не принять). Я считаю, что вообще, если с режиссером не находишь общей точки зрения и он не может или не хочет тебя убедить в своей правоте, то честнее уйти. Кино, театр — дело коллективное. Наше непонимание обязательно скажется на других, на работе.

Когда-то я не мог еще позволить себе отказаться от режиссера: тебя никто не знает, ты никого не знаешь. А сейчас, проработав в кино 12 лет, я думаю, имею на это право. Иногда бывает: хороший сценарий, а фильм получился плохой, и не потому, что режиссер несостоятельный художник, а потому что он не отстоял свое гражданское «я». Есть вещи, которые надо защищать, как мать защищает своего ребенка. А если мы, идеологические работники, заранее идем на какие-то компромиссы, зная, что они потом скажутся на качестве фильма, спектакля, то греш нам цена. И нельзя работать в искусстве.

Я поздно в кино пришел, в 31 год. И мне не хочется размениваться на усредненность. Да и живем мы далековато от кинематографических центров. Тратить время на большие перелеты, отказывать театру в себе и себе в театре только ради того, чтобы сняться? Нет, чтобы что-то сказать людям. Но главное: что и как. И еще: для чего.

— Каждый из нас стремится к какому-то результату. Это всегда лучшая награда. Но у идеологических работников результаты, бывает, проявляются не сразу, они отстоят на годы, десятилетия, иногда нам бывает и не видны. Правда, вам, актерам, каждый вечер аплодируют. Это все-таки результат. Но ведь аплодисменты могут быть и обманчивыми — не глубине раскрытия вами темы, образа, а, скажем, вашей популярно-

сти. Не приходилось ли вам встречаться с более весомым результатом?

— Я получаю много писем. Один человек подробно описал всю свою жизнь. Ведь не кому-то он все это написал, а мне. А я для него — это мой герой, значит, чем-то они ему близки, в чем-то он к ним прислушивается... А это и есть назначение искусства — воспитание на примерах героев.

— А есть у вас герои любимые?

— Трудно ответить на этот вопрос. Когда в семье много детей, всех любишь одинаково, за редким исключением. Все они — мои. Мой Алейников. Дай бог каждому актеру такую роль. Человек ищущий, мятущийся, серьезно заблуждающийся. Какую надо иметь смелость, чтобы устроить себе самому суд совести! Многие из нас могут вот так, наедине с собой? Мягко, ласкательно пожуришь — да. А по большому счету? Алейникову отдано несколько лет. Не работы — жизни. Я с ним постарел, сейчас уже в возрасте его догнал. Но, к сожалению, фильм завершен. В одном таком можно сняться — и на всю жизнь.

Мой Алексей из «Молодой жены», мой, пусть в чем-то не состоявшийся Иванченко из «Тайного голосования» — все они мои. Мой Васков в еще тюзовском спектакле «А зори здесь тихие». Это было прежде всего общение с Борисом Васильевым, с прекрасной литературой, очень своей, доходчивой, по-хорошему сентиментальной. Мы как-то стыдился этого чувства. А почему? Ведь глаза даны нам не только для того, чтобы излучать радость, но чтобы и поплакать. Говорят: глаза — зеркало души. Так если они радуются и плачут, то у человека душа такая гибкая...

Мой Астров в «Дяде Ване». План, нервотрепка, спешка — всего этого и в театре хватает. А мы тогда позволили себе остановиться и вчитаться в Чехова. Просто сидели и читали и открыли его, совершенно нового для себя. В Астрове видели романтика — он леса сажает. А леса-то — это соломинка, за которую ухватился человек, отчаявшийся от недостатка общения. Хотя он и доктор, и с людьми встречается много. Но уровень не тот. А что значит для человека общение? Мы сегодня скрытные стали, сокровенным друг с другом не делимся. От этого иногда трагедии происходят.

— Владлен Егорович, вы очень часто встречаетесь со зрителями и Новосибирска, и области, и других городов. Что бы вы сказали о них?

— Зритель у нас грамотный, культурный, любознательный. Вот недавно я был в Эдвинске: сколько было разговоров! Люди хотят знать все: и о театре, и о кино, даже о документальном задавали вопросы. Жаль, что наш брат-артист мало выезжает в село. Мы хотим, чтобы к нам шел культурный зритель, но для этого и мы сами должны приблизиться к нему, тем более, что он нас ждет. Но, должен сказать, встречи не всегда получаются такими интересными, как бы хотелось. Люди ждут, что я приду и буду рассказывать. А сами не готовы: в театр не ходят, о кино у них представление одностороннее. А ведь всегда интересно взаимное общение, полезна взаимная отдача. Я жду интересного разговора, вопросов, спора. Я ведь тоже должен обогащаться в результате этих встреч.

— Ну, вот вы и высказали свои пожелания нашим читателям. И последний, традиционный вопрос: где мы увидим вас в ближайшем будущем?

— В театре — в комедии Гоголя «Женитьба», я репетирую роль Кочкарева. Снимаюсь в фильме «Парашютисты» на киностудии имени Горького. Это как раз поиски современного героя.

С гостем беседовала Л. СЕРДЮКОВСКАЯ.
Фотографировал Б. Москвин.